

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ:
СИСТЕМОЦЕНТРИЧЕСКИЙ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ**
М. Е. Воробьева

JURIDICAL TERMINOLOGY: SYSTEM-CENTRIC AND ANTHROPOCENTRIC APPROACHES
M. E. Vorobyova

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422.

В статье рассматривается специфика функциональной юридической разновидности русского языка как самостоятельной подсистемы. Наряду с системоцентрическим подходом к проблеме юридической терминологии обосновывается необходимость использования антропоцентрического подхода.

The article focuses on particularity of the Russian language functional juridical variant as an independent subsystem. Alongside with systemocentric approach to the problem of juridical terminology the necessity of anthropocentric usage is supported.

Ключевые слова: юридический язык, юридическая терминология, системоцентризм, антропоцентризм, обыденное сознание.

Keywords: juridical language, juridical terminology, systemocentrism, anthropocentrism, ordinary consciousness.

Естественный язык, попадая в сферу юридического функционирования, претерпевает ряд преобразований, глубина которых дает основание рассматривать функциональную юридическую разновидность русского языка как самостоятельную подсистему. Юридический язык, как и другие феномены языко-правовой зоны, обладает специфическим качеством, не выводимым в полной мере из литературного субстрата [5 с. 39]. Особое качество юридического языка обусловлено тем, что антиномическое бытие естественного языка, стихийность законов его существования, полевое устройство семантики языковых единиц вступают в противоречие с предписательным императивом юридических текстов и жесткой семантизацией языковых единиц, используемых в юридической речи.

Важной составляющей юридического языка является юридическая терминология. **Юридические термины** – это «элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [4, с. 782].

Юридические термины, языковые по сути, являются опорными точками в процессе познания правовых явлений, они непосредственно связаны с регулятивной функцией права, залогом реализации которой является эффективное действие и применение правовых норм. В связи с этим возникает необходимость исследовать юридические термины не только как единицы языковой системы, но и с точки зрения их реального функционирования, восприятия рядовыми носителями языка.

Цель данной статьи – выявить особенности исследования проблемы юридической терминологии с позиций системоцентризма и антропоцентризма.

Большинство исследований, посвященных юридической терминологии, осуществлены в рамках системоцентрического подхода к юридической терминологии (Т. М. Балыхина, А. С. Пиголкин, С. П. Хижняк, Д. И. Милославская и др.). Основные аспекты в рамках данного подхода следующие: структурно-се-

мантический, ортологический, функционально-стилистический.

В **структурно-семантическом** аспекте выполнено исследование Т. М. Балыхиной, которая рассматривает тематически группы юридических терминов, генетические источники формирования юридической терминологии, анализирует словообразовательную структуру и структурно-грамматическую организацию юридической терминологии для выявления основных и продуктивных средств терминологической номинации. По мнению исследователя, основой структурной классификации терминологических словосочетаний является количество компонентов и их грамматическая характеристика, при этом наиболее продуктивны двухкомпонентные структуры. Т. М. Балыхина впервые провела комплексное исследование семантической, структурно-грамматической и функциональной специфики терминологических словосочетаний. В результате исследования Т. М. Балыхина делает вывод о том, что «значение терминологического словосочетания выступает как диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания» [2, с. 9].

Ортологический аспект может быть проиллюстрирован работой А. С. Пиголкина, который уделяет особое внимание стилистическому и структурному анализу юридической терминологии. Он приводит классификацию терминов, используемых в законодательстве, по вертикальному и горизонтальному принципам. Также термины классифицируются по наличию дефиниций, по степени специализации, по значению и наличию оценочного компонента. Такое многообразие терминологических классификаций юридической терминологии отражает сложность проблемы определения ее объема.

А. С. Пиголкин в качестве ключевых проблем юридической терминологии выделил синонимию и омонимию, которые тесно переплетаются друг с другом. При этом он отмечает, что при подготовке, толковании, применении правовых актов синонимы должны совпадать полностью по содержанию и не

могут иметь смысловых или каких-либо других оттенков, в то же время при составлении тезауруса, вводе нормативных предписаний в банк данных ЭВМ, объединении слов в гнезда для улучшения поиска информации, допустимо временное отступление от категорических требований эквивалентности синонимов.

Исследователь сформулировал ряд необходимых требований, которые должны соблюдаться при использовании терминов в юридических актах [17].

Функционально-стилистический аспект характерен для исследований С. П. Хижняка. По его мнению, юридическая терминология неоднородна, в ней можно выделить «терминологию права (закона) и терминологию правоведения (юриспруденции)», такое деление связано «с различными сферами функционирования юридической терминологии: официально-деловой и научной» [15, с. 80]. Далее отмечается, что терминология правоведения сложнее, чем терминология права, т. к. в ней употребляются термины, обозначающие теоретические понятия, не встречающиеся в текстах законов (гипотеза, материальное право).

Нормативная оценка юридических терминов С. П. Хижняка включает ряд параметров:

- 1) структуру терминов;
- 2) способы номинации (именования);
- 3) источники формирования;
- 4) соотношение термина и понятия [14].

С. П. Хижняк отмечает в юридической терминологии собственно терминологические тенденции (большая по сравнению с системой общенародного языка словообразовательная упорядоченность; стремление к дифференциации понятий) и общеязыковые тенденции, которые выражаются в различных видах вариативности: смысловой (многозначность), словообразовательной, лексической (дублетность).

С целью упорядочения юридической терминологии С. П. Хижняк обозначил требования, которые должны предъявляться к юридическим дефинициям [14, с. 70 – 71].

Д. И. Милославская так же, как и С. П. Хижняк, отмечает потребность в упорядочении и унификации юридических терминов и терминологических сочетаний, особенно тех, которые: 1) не различаются с общеупотребительными значениями слов; 2) имеют высокую частотность и социальную значимость.

Д. И. Милославская подробно описывает семантические поля, образованные юридическими терминами. На основе сопоставления юридической и общеупотребительной системы понятий и дифференциальных признаков предлагаются пути усовершенствования русской юридической терминологии, которые помогут сделать ее более последовательной и организованной [7].

Таким образом, с целью упорядочения терминологии в рамках системноцентрического подхода анализируются семантические особенности отдельного термина, лексико-семантических групп в соответствии с языковой (структурной и лексико-системной) целесообразностью.

Несмотря на все достоинства системноцентризма, правовое функционирование языковых единиц (юри-

дической терминологии) также требует использования антропоцентрического подхода к языку.

Потребность такого рода актуализируется при формальном совпадении слов общелитературного языка с юридическими терминами, т. к. представления, присущие обыденному сознанию, весьма неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями.

«Употребление лексических единиц, преимущественно характерных для определенных функциональных разновидностей, в многообразных подсистемах литературного и, шире, национального языка неизбежно связано с различной реализацией их семантического потенциала», пишет Н. Г. Михайловская [8, с. 110].

По мнению Р. А. Ромашова, такое совпадение юридического термина с общенародным словом «лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности» [11, с. 55].

Терминологизация общелитературных слов происходит двумя способами: 1) моносемичное слово литературного языка становится основой образования моносемичного термина с тем же, но более глубоким и широким по содержанию значением (например, термины преступление, наказание, бездействие); 2) терминологическое значение развивается на основе одного из значений полисемичного слова, также путем расширения и углубления его содержания.

В связи с этим возникает вопрос о глубине различий семантики «естественного» слова и этого же слова в качестве юридического термина. Невозможно ответить на этот вопрос в полной мере, оставаясь в рамках системноцентрического подхода, который изучает языковые единицы изолированно от носителей языка. Единицы данного класса необходимо исследовать в процессе их интерпретации рядовыми реципиентами.

Антропоцентрический подход предполагает изучение языка с позиции носителя языка – «человека в языке» [3]. При таком подходе меняется позиция исследователя: происходит переход «от созерцательного изучения элементов языка путем их инвентаризации и классификации – к исследованию языковых явлений с позиций антропоцентризма» [12, с. 4]. Относительно соотношения двух точек зрения на язык японский ученый Токиэда Мотоки писал, что «субъективное переживание языка» – единственно правильный научный метод изучения языка [9].

В отличие от системноцентрических исследований, реализующих предписывающий научный подход, антропоцентрические исследования носят описательный характер, позволяют изучить особенности фактического (объективного) функционирования языковых единиц.

В. М. Алпатов, Е. В. Рахилина указывают на то, что антропоцентрический подход первичен: «Любое лингвистическое описание опирается на интуицию носителя языка, хотя носитель языка и исследователь не обязательно одно и то же лицо. В этом смысле любое исследование языка глубинно антропоцентрично» [10, с. 20 – 21]. В. М. Алпатов считает, что «к описанию языковой системы можно идти от интуиции но-

сителя языка, проверяя ее в случае необходимости текстами, и от текстов, проверяя их данные интуицией» [1, с. 25].

Е. Б. Трофимова считает, что «антропоцентрический и системоцентрический подходы не являются результатом прямо противоположных и абсолютно несовместимых взглядов исследователей; они порождены реально существующей стратификацией языка» [13, с. 13].

Антропоцентрический подход позволяет учесть личность адресата – далеко не второстепенный компонент в структуре коммуникации, предполагающей не только реализацию авторской интенции, но и процесс мыслительной активности адресата, его интерпретационно-семантизирующей реакции на получаемое речевое произведение.

К настоящему времени сложились три подхода к выявлению множественного смыслового потенциала текста: интуитивно-субъективный (метод самонаблюдения), описательный (метод наблюдения) и экспериментальный. Первый метод предполагает обращение к своему лингвистическому опыту (как носителя языка). Второй метод заключается в научном описании таких языковых единиц (слов, предложений), формальная организация которых создает условия для нейтрализации разных значений, реализующихся в их речевом функционировании. Третий – предполагает обращение к коллективному языковому сознанию реципиентов путем их тестирования.

Экспериментальному методу присущи оперативность получения интересующей информации; стандартность информации как следствие стандартности заданий; возможность неоднократного воспроизведения опытных речевых условий, их массовость, следовательно, надежность получаемых результатов; объективность научного результата.

Метод лингвистического эксперимента, включающий дефиниционный и ассоциативный этапы, позволит доказать гипотезу о неизбежной вариативности интерпретации содержания юридических терминов, функционирующих в обыденном сознании. Мы полагаем, что множественность интерпретации обусловлена как объективными факторами – универсальными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения и т. д.), – так и индивидуально-психологическими особенностями реципиента, активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

Литература

1. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3.
2. Балыхина, Т. М. Терминологические словосочетания в языке юридической литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Балыхина. – М., 1983. – 17 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 790 с.
5. Голев, Н. Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АГУ, 2004.

Первый этап – построение дефиниции – предполагает стремление информанта объяснить значение слова, оперируя, на его взгляд, наиболее характерными для этого слова признаками, не исключая выделение субъективно-ситуативных признаков.

Основу дефинирования составляют такие логические операции, как дифференцирование и обобщение.

Дифференцирование – это мыслительная операция, основанная на выделении существенных свойств и качеств предмета и отвлечении от других, несущественных. Для разных носителей языка актуальными являются разные дифференциальные признаки.

Обобщение – это мыслительная операция, основанная на выделении общего существенного признака, свойства, качества, позволяющего рассматривать данный предмет как элемент определенного класса, вида.

Таким образом, дефиниция включает две составные части: указание на ближайший класс, род и указание на дифференциальные отличия.

Ассоциативный эксперимент имеет целью построение ассоциативного поля слова-стимула (описание совокупных реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации.

Набор обыденных дефиниций и ассоциативное поле одного и того же слова имеют как зону пересечения, связанную с тем, что и то и другое являются формами экспликации содержания слова, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания – понятийного и концептного.

Использование психолингвистических методик позволит выявить реальные и потенциальные, имплицитные смысловые компоненты юридических терминов, функционирующих в ментальном пространстве общества, устроенного не по предписаниям законодателя, а по общим законам функционирования естественного языка. и, шире, специфику обыденного сознания носителей русского языка. Текст закона должен быть понятен рядовым носителям языка, т. к. правильное толкование правовых норм – необходимое условие их верного и эффективного применения и, следовательно, соблюдения законности.

Таким образом, сложность предмета исследования обуславливает использование комплексного подхода, учитывающего как системные особенности юридических терминов, так и специфику их восприятия рядовыми носителями русского языка.

6. Логвиненко, А. М. Процес термінологізації і детермінологізації в юридичній підсистемі / А. М. Логвиненко // Право і лінгвістика: матеріали міжнародної науково-практичної конференції. – Сімферополь: ДОЛЯ, 2003. – Ч. 2.
7. Милославская, Д. И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке: на материале закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»: дис. ... канд. филол. наук / Д. И. Милославская. – М., 2000. – 164 с.
8. Михайловская, Н. Г. О формировании и функционировании юридической лексики / Н. Г. Михайловская // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981.
9. Мотоки, Т. Основы японского языкознания / Т. Мотоки // Языкознание в Японии. – М., 1983.
10. Рахилина, Е. В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой / Е. В. Рахилина // Язык и когнитивная деятельность. – М., 1989.
11. Ромашов, Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Р. А. Ромашов // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция; под ред. Н. Д. Голева, Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: АГУ, 2010.
12. Сорокина, Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения): монография / Э. А. Сорокина. – М.: МГОУ, 2007. – 235 с.
13. Трофимова, Е. Б. Спорное в теории языка / Е. Б. Трофимова. – Бийск, 2002. – 75 с.
14. Хижняк, С. П. Правовая терминология и проблемы ее упорядочения / С. П. Хижняк // Правоведение. – 1990. – № 6.
15. Хижняк, С. П. Специфика юридического термина / С. П. Хижняк // Единицы языка и их функционирование. – Вып. 3. – Саратов, 1997.
16. Чиронова, И. И. Теоретические основы анализа юридической терминологии / И. И. Чиронова // Современные гуманитарные исследования. – 2007. – № 6.
17. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юридическая литература, 1990. – 200 с.

Информация об авторе:

Воробьева Марина Евгеньевна – соискатель кафедры русского языка КемГУ, marina_vorobyova_89@mail.ru.
Marina E. Vorobyova – post-graduate student at the Russian Language Department, Kemerovo State University.